

Продолжение.
Начало в № 69, 72, 75.

... При острейшем дефиците самого элементарного, даже товаров и материалов повседневного пользования, все труднее становится организовать и провести текущие ремонты оборудования комбината. Когда планируются капитальные ремонты основных агрегатов комбината, начальник снабжения комбината Козлов, кажется, готов куда-нибудь спрятаться и не появляться, пока не закончится кампания, потому что ему приходится каждый раз проявлять чудеса изворотливости, чтобы достать элементарные резиновые шланги, кислородные трубки, стекло, различные изоляционные материалы, даже обычные электрические лампочки.

Дефицит этих самых лампочек стал, кажется, проблемой вселенского масштаба. Дело дошло до того, что Носов вынужден был издать приказ, которым определил, чтобы начальник отдела снабжения Козлов выдавал цехам и другим подразделениям новые электролампочки только по визе главного электрика комбината Кузина. В цехе электросетей пришлось создать участок регенерации перегоревших лампочек, где специальными газовыми горелками расплавляли отверстия в колбах лампочек, через которые производилась замена вольфрамовых нитей накаливания, а затем тем же путем отверстия запаивались, колбы заполнялись нейтральным газом. Даже для получения реанимированных таким образом лампочек требовалось иметь визу главного электрика и взамен получаемых обязательно сдать на регенерацию перегоревшие осветительные приборы.

И как в таких условиях можно было вести строительство пятой домны, семнадцатой и восемнадцатой мартеновских печей, четвертой и третьей коксовых батарей? Но строили. После ввода в строй толстостенового и среднелистового прокатных станов строители все силы бросили на завершение четвертой коксовой батареи и пятой доменной печи. Тридцатого июня практически в обычной будничной обстановке на четвертой батарее был выдан первый коксовый пирог — тяжелая ситуация на фронтах и полупустые угольные склады не располагали к пышным торжествам по поводу очередной трудовой победы строителей и металлургов.

Коксовую батарею пустили, а загружать ее печи, получается, нечем. Коксовые батареи и доменные печи пришлось перевести «на тихий ход». Выплавка чугуна из-за нехватки твердого топлива резко сократилась — на голодном пайке оказались мартеновские печи. Знатные сталевары комбината предъявляют директору справедливые претензии, что он благословил их борьбу за освоение скоростного сталеварения даже на производстве легированных марок, а условий для достижения здесь успехов нет никаких. При нехватке чугуна да дефиците топлива работа мартеновцев превращается в настоящую муку. Не только легированные, но даже плавки рядовых марок стали «просиживают» в печи до двадцати и более часов.

В таких условиях лучше, пожалуй, будет вообще остановить половину мартеновских печей, чтобы на другой половине можно было организовать нормальную интенсивности работу. Так будет выгоднее с любой точки зрения, прежде всего с экономической: все имеющиеся ресурсы будут использоваться наиболее рационально. На одном из оперативных совещаний с главными специалистами комбината директор поставил этот тяжелый вопрос на обсуждение. И как ни крути, неизбежен был единственный расклад — придется восемь мартенов останавливать: какие-то — на текущие, другие — на досрочные ремонты, а третьи и вовсе просто затушить.

Почти всю ночь просидев после совещания с этими тяжелыми думами, сделав все необходимые экономические расчеты — а они получились невеселыми, ранним утром Носов позвонил первому секретарю обкома партии Патоличеву. Спросил его, сможет ли он помочь сегодня в решении одной очень серьезной задачи? Николай Семенович, уже неоднократно побывавший в Магнит-

Броня

Отрывки
из документальной повести

горске и каждый раз дотошно вникавший в тонкости металлургического производства, ответил, что где-то в обеденное время рад будет встретиться с Григорием Ивановичем. По разбитой слякотной дороге, местами припорошенной первыми белыми мухами, Носов едва успел к назначенному часу.

Ежедневно получающий оперативные сводки о работе всех промышленных предприятий области первый секретарь, конечно, был в курсе всех проблем Магнитки и немало делал, чтобы помочь в их решении, но, глянув на потемневшее, усталое лицо Носова, понял, что проблемы могут сломать даже этого негибкого человека, умеющего достойно выйти из любой критической ситуации.

Однако, послушав расчеты и доводы Носова, понял, что и на этот раз он приехал с готовым решением, но ему необходима поддержка обкома — слишком ответственным был найденный выход из создавшегося положения, чтобы без согласия обкома партии его использовать. Изложив соображения руководства комбината, Носов замолчал. Патоличев глубоко задумался. Даже в прифронтовом Ярославле, где приходилось мобилизовывать население на строительство оборонительных сооружений и обеспечивать эффективную работу промышленных предприятий, пожалуй, не было у него более сложной и трудной задачи. Как ополонить сталеплавильные мощности Магнитки, комбината, где в данный момент производится чуть ли не вся броневая сталь страны? Как Москва отнесется

Помочь делом Магнитке в этой сложнейшей ситуации и кардинально ее изменить в лучшую сторону нет никакой возможности

к такому решению? Ведь в ЦК партии могут расценить это как слабование, бесхребетность обкома партии, подержавшего авантюрный шаг директора Магнитки. Вместо того чтобы принять эффективные меры для восстановления транспортного-сырьевого конвейера, первый секретарь Челябинского обкома вошел в сговор с руководителем, спасовавшим перед трудностями. И обязательно вспомнят, что это уже не первый случай, когда Патоличев поддерживает сомнительные решения.

И в самом деле, еще в мае к первому секретарю примерно с таким же вопросом приехал управляющий трестом «Магнитострой» Дымшиц. Аргументы и доводы у него тогда были столь же убедительными и весомыми, как сейчас у Носова. Строительный план Магнитостроя на сорок второй год вырос в сравнении с предыдущим годом сразу втрое при неизменных производственных мощностях и острейшем недостатке квалифицированных кадров. Если трест распылит все свои силы на десятки объектов, которые ему поручается построить и ввести в эксплуатацию в этом году, вероятнее всего, получится так, что ни один из них не будет завершен. Поэтому молодой управляющий привез свой, «магнитостроевский» вариант организации строительной программы. Предлагалось сосредоточить силы строителей на нескольких важнейших объектах, чтобы можно было безусловно завершить и пустить их в эксплуатацию. Первому секретарю предстояло тогда поддержать строителей и металлургов в выборе этих объектов. Тогда пришлось остановиться на пятой коксовой батарее, пятой доменной печи и первых цехах калибровочного завода.

Сейчас предстояло принять, может, еще более ответственное решение. Согласиться с тяжелыми выводами Носова — автоматически означает стать его союзником, взять его под защиту. Для этого он и приехал в обком. Если бы этот могучий человек, сильный руководитель не нуждался остро в поддержке, он и не приехал

бы в обком, старался бы самостоятельно выбраться из кризисной ситуации. А здесь речь идет о чуть ли не половинном сокращении объема выплавки стали. И в такой обстановке на фронтах?

Нет, не зря замолчал и так глубоко задумался первый секретарь. Носов это хорошо понимал и чувствовал — слишком трудную задачу пришлось ему задать. Конечно, он сейчас напряженно думает: если принять решение без согласования с Москвой, даже не ставя в известность Наркомат черной металлургии, то ответственность за все возможные последствия ему придется принять на себя. И даже если заверить его, что отвечать за все будет только директор, это абсолютно ничего не изменит — спрашивать будут прежде всего с первого секретаря.

С другой стороны, Патоличев был удовлетворен уже хотя бы тем, что Носов обратился в трудную минуту именно к нему — значит, доверяет. А заслужить за столь короткое время доверие у такого человека, как Носов, дорогого стоит. И ни в коем случае нельзя обмануть это доверие. Вот ведь в чем еще дилемма состоит. Помочь делом Магнитке в этой сложнейшей ситуации и кардинально ее изменить в лучшую сторону нет никакой возможности. Обратиться за помощью в ЦК партии и даже в Государственный Комитет Обороны — значит показать собственную близорукость и беспомощность. Попытаться переадресовать Носова с его нестандартным предложением в наркомат будет означать полную и окончательную потерю в его глазах авторитета серьезного партийного лидера.

Минута молчания и тяжелого раздумья Патоличева показалась Носову вечностью. Наконец Николай Семенович отошел от высокого окна, подошел к своему рабочему столу, тяжело опустился на стул и, обращаясь к Григорию Ивановичу, спросил: — Вы хорошо продумали, какие печи будете останавливать для стабилизации производства на оставшихся?

— Конечно, продумали, — с готов-

ностью отвечал Носов. — Из-за останков двух мартенов на досрочные ремонты нам потребуются дополнительные поставки магнетитовых огнеупоров. Не поговорите ли с Саткой об оказании нам такой помощи? — обратился сразу Григорий Иванович, почувствовав, что главный вопрос, можно считать, решен.

— Об этом не волнуйтесь, попросим Сатку о дополнительных поставках, но и вы не подведите Кировский завод с отгрузкой броневых листов.

— Сколько надо будет, столько и будем давать брони и Кировскому, и Уралмашу, и другим заводам, — твердо заверил Носов.

В последний час НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДОНА

На днях наши войска, расположенные в районе среднего течения Дона, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада на участке Новая Калитва—Монастырщина и с востока — в районе Боковская. Прорвав оборону противника на участке Новая Калитва—Монастырщина протяжением 95 километров и в районе Боковская — протяжением 20 километров, наши войска за четыре дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперед от 50 до 90 километров. Нашими войсками занято более 200 населенных пунктов, в том числе города Новая Калитва, Кантемировка, Богучар и районные центры: Талы, Радченское, Боковское.

В ходе наступления наших войск разгромлены девять пехотных дивизий и одна пехотная бригада противника. Нанесены большие потери четырем пехотным дивизиям и одной танковой дивизии противника.

Захвачено за четыре дня боев более 10 тысяч пленных.

По далеко не полным данным, нашими войсками захвачены следующие трофеи: танков — 84, орудий разных калибров — 1102, минометов — 608, пулеметов — 1729, винтовок — 28000, противотанковых ружей — 420, автомашины — 2720, мотоцик-

лов — 300, лошадей — более 1000, складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием — 45. Трофеи подсчитываются.

Уничтожено: самолетов — 64, танков — 88, орудий — 120, автомашин — свыше 500, повозок с различным военным грузом — 203.

Противник оставил на поле боя свыше 20 тысяч трупов солдат и офицеров...

Совинформбюро.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 19 ДЕКАБРЯ

В течение ночи на 19 декабря в районе Сталинграда и на Центральном фронте наши войска продолжают вести наступательные бои на прежних направлениях.

В Заводском районе Сталинграда наши части отбили несколько контратак небольших отрядов противника и истребили более 100 гитлеровцев. На южной окраине города разрушено девять блиндажей и ружейно-пулеметным огнем сбито два самолета противника.

Северо-западнее Сталинграда наши части укрепляли занимаемые рубежи и вели разведку. Противник силами пехоты неоднократно пытался вернуть потерянные накануне позиции. Огнем артиллерии, минометов, пехоты контратаки гитлеровцев были отбиты с большими для них потерями. На другом участке батальон пехоты противника атаковал позиции, обороняемые Н-ской частью. В результате боя гитлеровцы были отброшены, потеряв убитыми до роты пехоты...

... Возведение пятой домны завершилось к концу года. Получалось так, что вводить ее в строй действующих придется в холодное время года, при декабрьских трескучих морозах.

Против этого категорически выступал главный инженер комбината крупный специалист доменного производства Михалевич.

— Какая в этом необходимость? — задавал он резонный вопрос. — Комбинат уже имеет не совсем положительный опыт пуска доменной печи в зимнее время, и этот урок следовало бы учитывать. Это во-первых. Во-вторых, мы четыре-то домны с трудом обеспечиваем коксом, а на пятую домну, еще больших размеров, где страна возьмет угля? Давайте не будем торопиться с пуском новой печи. Не спеша, аккуратно доведем на ней все до ума, и весной, с наступлением тепла, пустим ее без приключений.

— Почему, Георгий Францевич, вы считаете, что пуск домны в зимнее время обязательно должен быть сопряжен с какими-то неприятными приключениями? В истории комбината действительно, говорят, были неприятности после зимнего пуска первой домны, но ведь после этого и четвертую домну задували в декабре, а на ней пуск прошел уже, как рассказывают, много удачнее. К тому же ведь почти девять лет уже прошло с момента пуска четвертой домны, насколько опытнее стали за это время доменщики. Вам-то не надо об этом, надеюсь, рассказывать. Давайте теперь посмотрим на пуск пятой домны с политической точки зрения. Идет тяжелейшая война. Фашист до стен Москвы почти дошел, нарушил громадный промышленный потенциал страны, а советский народ все-таки живет, борется и даже строит такие мощные доменные печи. Пуск пятой домны — это не только мощный удар фашисту по зубам, но и колоссальная моральная поддержка всему нашему народу. Как же можно с этим помириться? А, Георгий Францевич? — Григорий Иванович даже наклонил голову к столу, чтобы взглянуть Михалевичу в глаза.

Продолжение следует.